

Сергей Троицкий

ЗИМА КАК МАРКЕР В ТВОРЧЕСТВЕ ТУВЕ ЯНССОН

В статье выявляются свойства зимы, отличающие ее от всех остальных времен года в творчестве Туве Янссон. Зима для нее — это не просто характеристика времени или состояния природы, а целый комплекс признаков, отсылающих к опыту, внешнему по отношению к повествованию. Рассмотрено несколько уровней маркирования феноменов физического, психологического, метафорического, хронотопического миров, а также мира культуры. В образе зимы оказываются слиты эти уровни (миры), восстановление которых позволяет выявить и сами эти опыты (переживания), вытесненные за пределы текста, стоящие за образом зимы и объясняющие как специфику описания зимы в произведениях Туве Янссон, так и особенности ее художественного метода. Ключевое понятие в исследовании — «маркер», используемое в лингвистике, психиатрии, культурологии для обозначения не прямого описания, а указания на присутствие признака. По жанру текст можно обозначить как культурологическое эссе с элементами литературной критики и литературоведческого анализа, также при описании личностных характеристик используются термины психологии, биографические факты и факты истории культуры Финляндии. Статья продолжает серию исследований по философии детской литературы.

Ключевые слова: детская литература, муми-тролли, зима, хронотоп, карелианизм, маркер, Туве Янссон

Сказки про муми-троллей могут выступать в роли путеводителя по времени и пространству, быть учебником по климатическим изменениям. Топография мира этих маленьких существ достаточно точна в описаниях, когда речь идет о Долине, хотя и не носит конкретный характер вне ее: пространство вне Муми-даллен оказывается лишено своей определенности, локусы, с которыми сталкиваются герои книг, не имеют личного имени, место их расположения лишено точной привязки к какой-либо известной карте. Персонажи осваивают пространство сами, присваивают имена каждому новому локусу. По географическим приметам можно установить место¹, которое описано Туве Янссон, но она тщательно избегает

конкретизации пространства. Несмотря на многочисленные выходы за пределы Долины, где местоположение всех элементов ясно и понятно в рамках топологии Долины, знакомо и определено, закреплено за различными персонажами, муми-тролли и компания путешествуют всегда как бы в мире-вообще: пересекая вообще-море, шествуя по вообще-дороге, попадая в вообще-пещеру или взбираясь на вообще-гору. Все локусы в таких путешествиях приобретают описательные или функционально-телеологические имена (имя персонажа, проживающего в определенном месте, в соответствии с которым происходит обозначение, тоже носит прагматический или функциональный характер).

Такое пренебрежение интроверта-нарратора (это не психологическая характеристика, а художественная позиция) к пространственной определенности соседствует с внимательным отношением к временным характеристикам, детализации не только времени года, но и месяца, и даже конкретного отрезка месяца. Если посмотреть на названия книг о муми-троллях, то можно проследить определенную тенденцию в отслеживании и описании жизни Долины на протяжении календарного года. Первая часть цикла (ранние повести) завершается книгой «Farlig Midsommar» (1954, русский перевод «Опасное лето»²), дальше следуют «Trollvinter» (1957, русские переводы «Волшебная зима» и «Муми-тролли и волшебная зима»), затем — «Vårvisan» (1962, русский перевод «Весенняя песня», первая история из сборника «Det osynliga barnet och andra berättelser», русский перевод «Дитя-невидимка»), замыкает цикл «Sent i Novemner» (1970, русский перевод «В конце ноября»). В эту последовательность вписывается и история в картинках «Den farliga vintern» (1955, в русском переводе «Зимние игры Муми-Тролля» или «Зимние Муми-игры»). К произведениям, в названии которых отчетливо выражена принадлежность времени действия к определенному времени года, примыкают адресованные взрослым «Sommarboken» (1972, русский перевод «Летняя книга»), а также главы «Снег» и «Рождество» из автобиографической повести «Bildhuggarens Dotter» (1968, русский перевод «Дочь скульптора»).

В целом же, непосредственно о зиме в Муми-даллене написаны «Волшебная зима», сказка «Cedric» («Ель») из сборника «Det osynliga barnet och andra berättelser» («Дитя-невидимка») и история в картинках «Зимние игры Муми-Тролля».

Данное исследование предполагает выход за пределы текста не только в отношении предмета исследования, но и в отноше-

нии методологии. Это, скорее, культурологическое эссе с элементами литературной критики и литературоведческого анализа. Нас интересует, почему зима предстает в произведениях Туве Янссон не только временем года и состоянием природы? Задача данной статьи — выявить и деконструировать комплекс «опытов» автора, которые стоят за образом зимы и позволяют объяснить его. Беремся утверждать, что зима отсылает не столько к опыту персонажей, сколько к опыту автора, внешнему по отношению к повествованию, поэтому ключевым понятием исследования является «маркер». Оно используется в лингвистике, психиатрии, культурологии для обозначения не прямого описания, а указания на присутствие признака. Совокупность признаков позволяет исследователю сделать вывод о переходе объекта в иное состояние. Таким образом, результатом данного исследования должен стать восстановленный набор маркеров, объясняющий как специфику описания зимы в произведениях Туве Янссон, так и особенности ее художественного метода. При описании личностных характеристик мы будем прибегать к терминам психологии.

Что же такое зима в творчестве Туве Янссон? Маркером чего является зима?

Именно зима стала временем появления муми-троллей как персонажей. Зимой 1939–1940 гг. (Зимняя война между Финляндией и Советским Союзом), когда, по выражению Туве, «стали умирать краски» и работать как художница она не могла, дочь скульптора и художницы обратилась к писательству. Напряжение в отношениях между странами вызывало тревогу, ожидание войны, ощущение хрупкости мира, состояния накануне войны. Территориальные претензии Гитлера находят отражение в иллюстрациях Туве Янссон для журнала *Garm* (напр., обложка октябрьского номера 1938 г., где изображен Гитлер в образе капризного ребенка: «взрослые дяди и тети предлагают дитятке польский коридор, Данциг, Эльзас, а тот требует "еще тортика"»). С одной стороны, стремление спрятаться в придуманной реальности, а с другой — необходимость понять перемены вокруг, осмыслить возможность крушения этого мира, принять опасности извне, угрожающие теперь уже хрупкому миру Туве, осознать их как факт неотвратимый, похожий на зиму, которая придет все равно, и заставили художницу обратиться к писательству [Карьялайнен 2017, 165–178]. «Вообще-то Муми-тролль с мамой разгуливали по лесу в поисках уютного и теплого местечка, где можно было бы выстроить дом, чтобы забраться туда, когда наступит *зима* (курсив мой. — С. Т.). Муми-тролли совершенно

не выносят холода, так что дом должен был быть готов самое позднее в октябре» (1945) [Янссон 2002в, 9].

Зима обязательно наступит, об этом нужно помнить и быть готовым. Она всегда рядом, даже летом. Практически во всех книгах есть одно-два упоминания о состоянии, которое несет с собой зима, — о зимней спячке, («Муми-тролли и большое наводнение», «Шляпа волшебника», «Мемуары Муми-папы», «Опасное лето», «Весенняя песня», «Папа и море»). Для того чтобы все прошло благополучно, необходимо наесться хвои, питающей спящих муми-троллей во время сна (представление о том, что медведи перед тем как лечь в спячку, наедаются хвои, встречается во взрослых книгах Туве), вытащить лодку из моря на берег («Дитя-невидимка»), утеплить окна венецианскими ставнями («Муми-папа и море»). Подробное описание подготовки к спячке дано в предисловии к повести «Шляпа волшебника»:

Муми-тролль стоял на крыльце, смотрел, как зима пеленает землю в свой белый саван, и думал спокойно: «Вечером мы погрузимся в спячку». Ведь все муми-тролли делают так в ноябре (и, по правде сказать, это очень разумно, если кто не любит холода и темноты). Он закрыл дверь, неслышным шагом подошел к маме и сказал:

— Идет снег, — сказал Муми-тролль.

— Знаю, — ответила мама. — Я уже приготовила для вас самые теплые одеяла. Можешь лечь наверху в западной комнате вместе со Сниффом.

— Снифф ужасно храпит, — сказал Муми-тролль. — Можно я лягу вместе со Снусмумриком³?

— Как хочешь, — отвечала Муми-мама. — Тогда устроим Сниффа в восточной.

Муми-семейство, все его друзья и знакомые готовились к долгой зимней спячке серьезно и обстоятельно.

Муми-мама накрыла стол на веранде, но в чашке у каждого были лишь хвойные иголки. (Совершенно необходимо, чтобы желудок был набит хвойными иголками, если предстоит проспать целых три месяца подряд.) После обеда (а он казался уж совсем безвкусным) все чуть серьезнее обычного пожелали друг другу доброй ночи, и Муми-мама велела всем вычистить зубы. А Муми-папа обошел весь дом, закрыл все двери и ставни и обернул люстру сеткой от комаров, чтобы не запылилась. Потом каждый залез в свою кровать, устроил в ней ямку поуютнее, укрылся с головой одеялом и стал думать о чем-нибудь приятном. И только Муми-тролль со вздохом сказал:

— Какую уйму времени мы теряем зря!

— Ничуть! — отозвался Снусмумрик. — Нам снятся сны. А когда мы проснемся, уже будет весна...

— Мм... — пробормотал Муми-тролль, уже погружаясь в сумрачный мир сновидений.

А на дворе сыпал снег, мелко, но густо. Он уже завалил крыльцо и грузными шапками свешивался с крыши, с наличников окон. Весь Муми-дом скоро должен был превратиться в сплошной пухлый сугроб. Одни за другими переставали тикать часы — пришла зима [Янссон 1987б, 411–412]

Этот отрывок напоминает описание тщательно регламентированной подготовки к ритуальному умиранию. Вообще же в большинстве повестей мы имеем дело не с зимой, а либо с ее ожиданием, ее началом (в ноябре) или концом (пробуждением от спячки). Действительно, за исключением «Волшебной зимы» и «Ели», в повестях на время зимовки жизнь прекращается, даже часы останавливаются. Зима оказывается моментом отсутствия времени и пространства, а не временем или состоянием природы. Интересно, что в «Волшебной зиме» речь идет не о временной интерпретации зимы, а скорее, пространственной: зима как пространство, если, конечно, можно разделить время и пространство в хронотопе художественного произведения. Муми-тролль просто попадает в зиму, нельзя сказать, что «она настала».

Как и описание выше, такое ноябрьское предзимнее депрессивное ощущение безнадежного безвременья и ожидания неотвратимой зимы описано в повести «В конце ноября». Семья, которая должна быть в муми-доме, куда-то делась, и персонажи, принятые в семью, оказались одни. Центр, которым была семья, исчез, а они снова стали разновозрастными сиротами, которые без посредничества муми-троллей даже между собой не могут найти общий язык, каждый из них ощущает свое одиночество. Если мы вспомним, что повесть была написана после смерти Хам, матери Туве, то становится понятным, что и Туве чувствовала себя тоже такой одинокой сиротой, у которой уже больше никогда не будет семьи.

К зиме относятся самые неприглядные характеристики. Например, когда нарратор описывает вид объеденных саранчей деревьев, он говорит, что лес «был теперь даже ещё непригляднее, чем зимой» (курсив мой — С. Т.) [Янссон 1987а, 391]. Более того, упоминание зимы накануне катастрофы (столкновения кометы с Землей) соседствует с упоминанием голода и предупреждением «Берегитесь сильных ветров, которые летят за нами!» [Янссон 1987а, 391], что усиливает ощущения близкого внеочередного прихода зимы (смерти), внеочередного апокалипсиса. В «Волшебной зиме» история начинается с констатации смерти-зимы и того, что мир зимы не создан

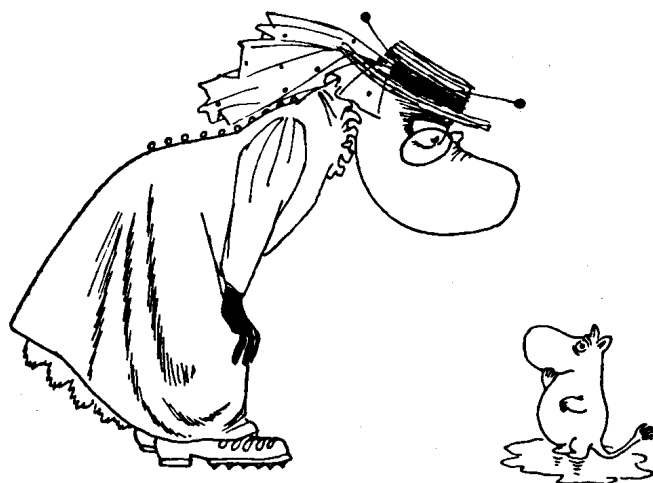

Рис. 1. Иллюстрация Туве Янссон к книге «Мемуары Муми-папы» (1950)

для жизни [Янссон 2002а, 460]. Более того, «зимой случается все самое страшное» [Янссон 2002а, 477]. С зимой связаны и перемены привычного уклада, необходимостью выполнения неприятных и странных действий.

О Хемулихе:

— Она опять примется всех воспитывать, — предсказал Юксаре. — Она может даже запретить нам залечь в спячку, когда наступит зима, и заставит ходить на лыжах.

— А что значит ходить на лыжах — спросила Мюмла.

— Передвигать ноги по замерзшим осадкам.

— Еще чего не хватало! Какой ужас!

— Видно, все мы скоро умрем, — сказала малышка Мю.

В этот момент в толпе пронесся боязливый шепот — пакетбот приближался [Янссон 2002г, 347](Рис. 1.)

Или разрушение источника приятных ощущений:

— Они не хотят, — сокрушенно вымолвил Хомса. — Вместо «Луна-парка» они хотят теперь сделать каток. А многие из нас впадут в *зимнюю спячку* (курсив мой — С. Т.), да и кто даст нам коньки?

— Как грустно! — с облегчением воскликнул Хемуль [Янссон 2002е, 591].

Зима выглядит как завершение всего, в отличие от весны, ощущающейся также субъективно, если не сказать солипсично, но с весной связаны надежды и все самое лучшее:

И вот пришла та самая весна, весна, такая важная для моего развития. Сначала я и думать не думал, что она пришла ради меня. Я слышал, как пищит, жужжит и бормочет, как пробуждается от зимней спячки все живое и торопится встретить весну. Я видел, как в разбитом по строгим законам симметрии огорожке Хемулихи растения набирают силу, а все, что пробивается из земли, просто извивается от нетерпения. По ночам гудели свежие ветры, и пахло по-новому — переменами. Я прислушивался и принимался. Лапки мои болели от быстрого роста, но я по-прежнему не понимал, что все это происходит только ради меня [Янссон 2002г, 254].

Что же сделать, чтобы победить страх зимы? В «Шляпе волшебника» есть история про стеклянный шар со снежинками, который Муми-тролль нашел в прибитых морем к берегу вещах, как локализованная зима, ее отголосок [Янссон 1987б, 461–462]. Если вначале истории зима была снаружи, а муми-тролль и все обитатели были заключены ею в домик, то здесь обратная ситуация, когда зима оказывается заключена в шар.

Зима в повествовании больше не появляется, но появляется Морра.

Как может показаться, Морра напрямую связана с зимой, такая же холодная: об этом муми-тролль говорит в «Волшебной зиме», но это, скорее, метафора. Зима неотвратима, а с Моррой можно договориться [Янссон 1987б]. Она появляется не по расписанию, а всегда внезапно. Морра не встречается в повестях зимой (исключение — повесть «Волшебная зима»), а всегда вне ее, она жертва, а не источник. «Какая она одинокая, эта Морра, никто ее не любит», — говорит о ней Сниф [Янссон 1987б, 490]. Она так перемерзла от отсутствия любви, что несет лед в себе (здесь можно вспомнить скандинавские мифы про жертв ледяной девы, снежной королевы и т. д.).

Она была не особенно велика и не особенно грозна с виду. Она была лишь чудовищно омерзительна и, казалось, могла прождать так целую вечность.

В этом-то и заключался весь ужас.

Никто и не подумал напасть на нее. Она посидела еще с минуту на месте, потом скользнула прочь во тьму сада. Земля, где она сидела, замерзла [Янссон 1987б, 487] (Рис. 2).

Как заметил Куизма Корхонен в своей статье «Глазами Морры», Без сомнения, Морра — одно из самых устрашающих существ, описанных в детской литературе: серая, холодная, бесформенная масса

Рис. 2. Иллюстрация Туве Янссон к книге «Шляпа волшебника» (1949)

с большим носом, пронзительными жёлтыми глазами и длинным рядом белых зубов. Она так холодна, что земля и растения замерзают под ней. Как пишет об этом Алисон Лури, она в своём роде — «живое воплощение скандинавского уныния» [Корхонен 2016, 78].

Морра всегда приходит внезапно, стремясь к свету и теплу, но именно их она и разрушает (деструктивная сила неизбывной тоски, разрушающая все ценное вокруг себя). Глядя на нее, Мумитроль вспоминает о зиме. Однако, несмотря на появление Морры в повести «Волшебная зима», главным источником стужи и смерти-зимы в этой повести оказывается Ледяная дева. Она, по словам Туу-Тикки, «очень красивая», но «если ты заглянешь ей прямо в лицо, ты замерзнешь и превратишься в ледышку» [Янссон 2002а, 476]. Описание Ледяной девы [Янссон 2002а, 479], которая в отличие от Морры прекрасна и не стремится согреться, делает ее похожей Снежную Королеву из сказки Х.-К. Андерсена. Ласка Ледяной девы оборачивается смертью для бельчонка.

В повести «Папа и море», написанной после смерти отца, Туве Янссон делает Морру молчаливой предвестницей для всех, кроме Муми-папы, чего-то холодного и тоскливого, но не зимы (см. Главу 1). Торжественное отплытие папы сопровождается общим пониманием, что это отплытие — утрата целостности, порядка, чего-то прошлого и родного.

Для самого же Муми-папы вовсе не Морра ассоциируется с зимой. Оба раза, когда упоминается в «Мемуарах Муми-папы» зима,

это делается в связи с Хемулихой. Один раз Муми-папа говорит о весне, завершении зимы как об освобождении от власти Хемулихи. Несмотря на то, что перед тем указывалось только время попадания Муми-папы-подкидыша в приют (августовский вечер) и о зиме речи не было, период пребывания в приюте соответствует зиме, завершающийся констатацией «Я вырос!» и объявлением прихода весны. Теперь можно делать все, что Хемулиха запрещала. Действительно ли речь идет об освобождении? Или это невротическое инфантильное поведение наперекор. Хемулиха не теряет власть, но властные отношения выстраиваются по-другому. Она теперь становится постоянным спутником невротического страха, связанного с ожиданием кары за непослушание.

Второй раз во время свадебной церемонии обмена пуговицами Муми-мамы и Муми-папы обмена пуговицами зима упоминается не как ощущение тоски и безысходности, а как реальное время года, когда лучше всего пребывать в спячке, но страх Хемулихи, как персонажа, который может помешать впасть в спячку, не дает забыть о ней. Такой фрейдистский страх, похожий на страх катастроф у Филифьонки [Harronen 2007]!

Для писательницы характерно давать описания обволакивающего чувства, важность принятия факта зимы граничит у Туве Янссон с желанием убежать. Убежать в сон или в великое путешествие. «Неохотное столкновение одинокого Муми-тролля с неизвестной зимой в «Волшебной зиме», в сочетании с его ностальгической тоской по его потерянному летнему миру, можно рассматривать как установление темы страха потери» [Rehal-Johansson 2007, 20]. Беспокойство от ожидания зимы перерастает в зиму как депрессию. Она обволакивает, как первый снег. «Первый снег пал на Муми-дол хмурым утром. Он подкрался, густой и безмолвный, и за несколько часов выбелил всю долину» [Янссон 19876, 411].

Эта картина не является случайной. Она настойчиво повторяется в повестях несколько раз. Ключом к пониманию этой настойчивости может быть новелла «Снег» из повести «Дочь скульптора», написанной в 1969 г. для взрослых и описывающей переживания снега маленькой Туве, оторванной от дома (в чужом доме).

Когда мы подошли к какому-то чужому дому, снег начал падать по-новому. Множество усталых старых туч столпились над нашими головами и, как им заблагорассудилось, извергли сразу же огромную массу снега.

То не были обыкновенные хлопья снега, они падали прямо вниз большими слипшимися между собой льдинами, они тут же сжимались,

Рис. 3. Туве Янссон. Обложка к книге «Комета прилетает» (1968)

быстро опускаясь вниз. И были они не белыми, а серыми. Мир казался тяжелым, как свинец [Янссон 2001, 120].

Снег за окном совпадал с невротическим болезненным переживанием чужого, отсутствием привычного. Только когда снег стирает всякую возможность связи с внешним миром, приходит облегчение, спокойствие. Внешний мир, представляющий угрозу, отступил и исчез. Снег, представляющийся признаком надвигающейся беды, становится средством избавления от нее.

Я пристально посмотрела на нее и поняла, что мы спасены. Наконец-то мы в абсолютной надежности и сохранности, наконец-то защищены. Угрожавший нам бедой снег спрятал нас в этом доме в тепле навсегда, и нам не надо ни в малейшей степени заботиться о том, что творится за стенами этого дома. Меня охватило чувство невероятного облегчения. < . . . > Затем мы начали нашу жизнь подземных жителей. < . . . > Мы были медведями *с животами, набитыми хвоей* (курсив мой. — С. Т.), и разрывали насмерть всех, кто осмеливался приблизиться к нашей берлоге. Мы впали в расточительство; не жалея дров, бросали мы одно полено за другим в очаг, пока пламя не запылало и не заревело.

Рис. 4. Эскиз иллюстрации Туве Янссон к книге «Маленькие тролли и большое наводнение» (1945)

Иногда мы что-то непонятно бормотали. Мы предоставили внешнему миру, полному опасностей, самому заботиться о себе. Внешний мир умер, он выпал во Вселенную [Янссон 2001, 127–128].

Такое невротично-депрессивное переживание зимы с облегчением от консервации собственного мирка! Прежде вызывавший беспокойство и ощущаемый как угроза миропорядку чужой дом, теперь, когда в нем появилась возможность надежно спрятаться от внешнего мира, воспринимается положительно. Снежная непреодолимая пустыня вполне напоминает иллюстрации Туве для эсхатологичной повести «Муми-тролль и комета» или набросок к книге «Маленькие тролли и большое наводнение», хотя речь в обоих случаях идет не о зиме (Рис. 3, рис. 4).

Написанная в 1957 г. «Волшебная зима» впервые демонстрирует зиму как пространство здесь и сейчас. Муми-тролль оказывается в пространстве зимы, и он вынужден вынырнуть из снега и справиться со страхом. Туула Карьялайнен, биограф Туве Янссон, интерпретирует книгу как описание того, как можно из поглотившей пучины дел и обязательств вынырнуть и полюбить не только Другого, но и саму зиму [Карьялайнен 2017, 262].

Рис. 5. Набросок Туве Янссон для обложки новогоднего номера журнала «Гарм» (1941–1942)

Начинаясь с беспокойства и страха —

<...> внезапно на него нахлынул жуткий страх перед мраком и одиночеством. Страх этот, должно быть, таился где-то с тех самых пор, как он проснулся в спальне дома, но теперь Муми-тролль дал ему волю [Янссон 2002а, 464]

— повествование ведет к пересмотру Муми-троллем стратегий обращения с зимой, к принятию страха и самостоятельности в преодолении. Туу-тикки учит Муми-тролля принимать ситуацию целиком со страхами и болью, позволяет ему вырасти, стать взрослым, готовым ко всему, даже к смерти⁴. Именно это позволяет не только Муми-троллю, но и нарратору в следующих книгах после «Волшебной зимы» сталкиваться тем, что прежде ощущалось как опасность. Например, в повести «Ель» все семейство просыпается от спячки в середине зимы для того, чтобы встретить Рождество [Янссон 2002б], а в повести «Папа и море» Муми-тролль ищет встречи с Моррой, которая уже не пугает его. Уроки жизненной философии принятия нестабильности и страхов не проходят даром ни для автора, ни для персонажа.

Печаль, пришедшая к Туве после смерти отца, становится таким же мраком, бездонной грустью, которые нужно обогнуть, чтобы суметь

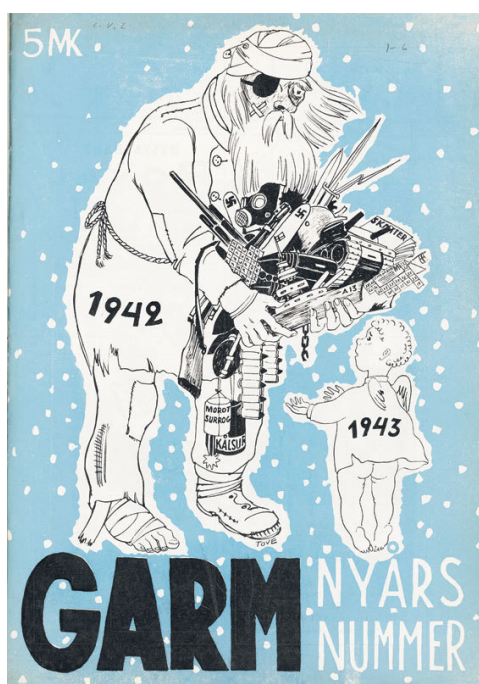

Рис. 6. Обложка, нарисованная Туве Янссон для новогоднего номера журнала «Гарм» (1942–1943)

жить дальше. Вот и в повести Муми-тролль все же осмеливается встретиться с Моррой лицом к лицу. <...> Даже Морра становится вполне добрым существом, и земля под ней больше не превращается в лед [Карьялайнен 2017, 297].

Интровертное ощущение зимы не мешает Туве проявлять эмпатию в отношении чужого переживания зимы. В карикатурах — казалось бы, жанре агрессивном — для журнала «Гарм» при изображении зимы художнице удается достичь удивительной пронзительности, вызвать ощущение тоски и сочувствия к пострадавшим простым людям. Это относится к наброску для обложки новогоднего выпуска «Гарм» 1941–1942 гг., где изображены длинная очередь к сидящему над прорубью рыбаку и надпись «В очереди за салакой нужно запастись салакой». На обложке новогоднего номера 1942–1943 гг., на которой старый год в образе израненного и забинтованного старика передает оружие и другие «радости» войны маленькому мальчику с крыльями. Зима выступает здесь в качестве союзника войны или даже своеобразной «тихой войны». И это при абсолютно безжалостном и бесстрашном пародировании и высмеивании Сталина, Гитлера и т. д. (Рис. 5, рис. 6).

Такая трактовка зимы заметно отличается, если не сказать противоречит, романтизированному образу этого времени года, сло-

жившемуся в Финляндии в начале XX в. под влиянием карелианизма [Нярвянен 2018]. После публикации Калевалы в 1849 г. начинается новый виток национально-романтического осмысления финскости [Нярвянен, Троицкий 2018]. Кружок Аксели Галлена-Каллелы разрабатывает художественную модель национального самосознания, в основе которой лежали интерес к карельскому эпосу и положение о том, что именно Карелия является источником настоящей финскости, что, конечно, заметно отличало карелианизм от предшествующей ему политической модели, названной «феноманией». Карелианизм находил национальную идею в преодолении сил природы, красоте первобытной и суровой. Зима оказывается символом национальной идеи. Мифологический брутализм, выносливость, принятие обстоятельств, жизнестойкость (сису) были положены в ее основание. «Нация должна надеяться лишь на собственные силы», — писал известный финский философ Й.-В. Снелльман (1806–1881) [Суни 1979], и эта идея нашла полное воплощение в карелианизме. Неудивительно, что на эту основу легко легла идея национально-романтического культа силы, характерного для модернистского искусства межвоенного периода.

По всей видимости, образ зимы как объекта преодоления, объекта для проявления силы, и связанный с этим романтический культ витализма, исповедуемый отцом Туве — скульптором Виктором Янссоном, и был способом выражения для внутреннего отказа, молчаливой критики со стороны Туве, которая дух и культ силы заменяет на избегание зимы и / или принятия его как чего-то внешнего и чуждого, но неотвратимого. Эта национально-романтическая художественная финская традиция восприятия зимы и силы была безусловно известна художнице от отца [Карьялайнен 2017, 13–19], но, по всей видимости, не принята, а отвергнута в пользу какой-то другой.

Итак, маркерами чего же все-таки является зима в творчестве Туве Янссон? Как нам кажется, здесь присутствует нехарактерная для восприятия писательницей других сезонов года многослойность, которая может быть представлена как набор маркеров:

- 1) Прежде всего, на уровне повествования зима выступает как время года, упоминается для обозначения конкретного периода во временных координатах, как и другие сезоны.
- 2) Следующим уровнем становится пространственная характеристика зимы в рамках хронотопа художественного произведения.

- 3) Зима характеризует состояние психологического дискомфорта, депрессии, свойственных уже не столько персонажам, сколько самой Туве Янссон, в связи с тем, что интровертное болезненное ожидание зимы оказывается чувством неотвратимости накатывающей депрессии, и это уже характеристика самого автора [Карьялайнен 2017].
- 4) На уровне общекультурном зима видится нам как маркер следования определенной традиции восприятия зимы в конкретной национальной культуре, поэтому «образ» зимы может маркировать принятие или неприятие определенных национально-культурных форм, ценностей и т. д.

Однако можем ли мы считать, что шведоязычная финская внучка шведского пастора, очень привязанная к матери, шведке по происхождению, избежала влияния финского романтического национализма, разделяемого отцом⁵? Или ее отношение к зиме вызвано детским незалеченным неврозом? Это остается вопросом.

Примечания

- ¹ «На элементы обстановки повлияли реальные географические черты: хотя мир и придуман, окружающая среда, очевидно, расположена где-то на юго-западном побережье Финляндии и финском архипелаге: зима и море, как они изображены в повестях, хорошо знакомы финско-шведским читателям» [Nummela 2007, 123].
- ² Русские переводы названий, как, впрочем, и сами тексты на русском языке не являются буквальным переводом, они достаточно вольны. Напр., «Farlig Midsommar», переведенное как «Опасное лето», точнее звучит как «Опасная середина лета», а «Trollvinter» — одновременно как «Зима троллей» и / или «Волшебная зима».
- ³ К слову, в более поздней по времени написания повести «Опасное лето» (1 глава) оказывается, что «когда выпадал снег, Муми-тролль погружался вместе со всеми в зимнюю спячку, а Снусмумрик отправлялся странствовать на юг и возвращался в Муми-дол лишь следующей весной», а не спал вместе со всеми [Янссон 2002д, 366].
- ⁴ Об экзистенциально-философском измерении книг о муми-троллях см. [Laajarinne 2009].
- ⁵ О сочетании шведского и финского компонентов в творчестве Туве Янссон см. [Nummela 2007].

*Литература**Источники*

Янссон 2002а — Янссон Т. Волшебная зима // Всё о муми-троллях: Повести-сказки / пер. Л. Брауде. СПб.: Азбука, 2002а. С. 451–538. (Yansson T. Volshebnyaya zima // Vse o mumi-trollyakh: Povesti-skazki / per. L. Braude. SPb.: Azbuka, 2002a. S. 451–538.)

Янссон 2001 — Янссон Т. Дочь скульптора // Дочь скульптора: Автобиографическая повесть; Великое путешествие: Избранные новеллы. СПб.: Амфора, 2001. С. 17–148. (Yansson T. Doch' skul'ptora // Doch' skul'ptora: Avtobiograficheskaya povest'; Velikoe puteshestvie: Izbrannye novelly. SPb.: Amfora, 2001. S. 17–148.)

Янссон 2002б — Янссон Т. Ель // Всё о муми-троллях: Повести-сказки / пер. Л. Брауде. СПб.: Азбука, 2002б. С. 630–638. (Yansson T. El' // Vse o mumi-trollyakh: Povesti-skazki / per. L. Braude. SPb.: Azbuka, 2002b. S. 630–638.)

Янссон 2002в — Янссон Т. Маленькие Тролли и большое наводнение // Всё о муми-троллях: Повести-сказки. / пер. Л. Брауде. СПб.: Азбука, 2002в. С. 7–36. (Yansson T. Malen'kie Trolli i bol'shoe navodnenie // Vse o mumi-trollyakh: Povesti-skazki. / per. L. Braude. SPb.: Azbuka, 2002v. S. 7–36.)

Янссон 2002г — Янссон Т. Мемуары папы Муми-тролля // Всё о муми-троллях: Повести-сказки / пер. Л. Брауде и Н. Беяковой. СПб.: Азбука, 2002г. С. 245–356. (Yansson T. Memuary papu Mumi-trollya // Vse o mumi-trollyakh: Povesti-skazki / per. L. Braude i N. Belyakovoi. SPb.: Azbuka, 2002g. S. 245–356.)

Янссон 1987а — Янссон Т. Муми-тролль и комета // Сказочные повести скандинавских писателей / пер. В. Смирнова. М.: Изд. «Правда», 1987а. С. 297–410. (Yansson T. Mumi-troll' i kometa // Skazochnye povesti skandinavskikh pisatelei / per. V. Smirnova. M.: Izd. «Pravda», 1987a. S. 297–410.)

Янссон 2002д — Янссон Т. Опасное лето // Всё о муми-троллях: Повести-сказки / пер. Л. Брауде и Е. Паклиной. СПб.: Азбука, 2002д. С. 357–450. (Yansson T. Opasnoe leto // Vse o mumi-trollyakh: Povesti-skazki / per. L. Braude i E. Paklinoi. SPb.: Azbuka, 2002d. S. 357–450.)

Янссон 2002е — Янссон Т. Хемуль, который любил тишину // Всё о муми-троллях: Повести-сказки / пер. Е. Соловьевой. СПб.: Азбука, 2002е. С. 582–597. (Yansson T. Khemul', kotoryi lyubil tishinu // Vse o mumi-trollyakh: Povesti-skazki / per. E. Solov'evoi. SPb.: Azbuka, 2002e. S. 582–597.)

Янссон 1987б — Янссон Т. Шляпа волшебника // Сказочные повести скандинавских писателей / пер. В. Смирнов. М.: Изд-во «Правда», 1987б. С. 411–512. (Yansson T. Shlyapa volshebника // Skazochnye povesti skandinavskikh pisatelei / per. V. Smirnov. M.: Izd-vo «Pravda», 1987b. S. 411–512.)

Исследования

- Harponen 2007* — Harponen S. Vilijonkka ikkunassa. Helsinki: WSOY, 2007.
- Laajarinne 2009* — Laajarinne J. Muumit ja olemisen arvoitus. Jyväskylä: Atena, 2009.
- Lurie 2003* — Lurie A. Boys and Girls Forever: Reflections on Children's Classics. London: Chatto & Windus, 2003.
- Nummela 2007* — Nummela Y. The "Janssonesque": Language in Tove Jansson's Moomin Oeuvre, // Tove Jansson Rediscovered. Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 123–130.
- Rehal-Johansson 2007* — Rehal-Johansson A. Tove Jansson: The Trickster Children's Author // Tove Jansson Rediscovered. Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 15–27.
- Карьялайнен 2017* — Карьялайнен Т. Туве Янссон: Работай и люби. М.: Изд-во АСТ, 2017. (Kar'yalainen T. Tuve Yansson: Rabotai i lyubi. M.: Izd-vo AST, 2017.)
- Корхонен 2016* — Корхонен К. Глазами Морры // Детские чтения. 2016. № 1 (9). С. 78–91. (Korkhonen K. Glazami Morry // Detskie chteniya. 2016. № 1 (9). S. 78–91.)
- Нярвянен 2018* — Няръвянен С. Г. Карелианизм как механизм национальной идентификации народов Карелии и Финляндии // Вече: Журнал русской философии и культуры. 2018. № 30. С. 237–248. (Nyarvyanen S. G. Karelianizm kak mekhanizm natsional'noi identifikatsii narodov Karelii i Finlyandii // Veche: Zhurnal russkoi filosofii i kul'tury. 2018. № 30. S. 237–248.)
- Нярвянен, Троицкий 2018* — Няръвянен С. Г., Троицкий С. А. Процесс национальной идентификации народов Финляндии в XIX веке: фенномания и феннофильство // Studia Culturae. 2018. Вып. 3 (37). С. 43–58. (Nyarvyanen S. G., Troitskii S. A. Protsess natsional'noi identifikatsii narodov Finlyandii v XIX veke: fennomaniya i fennofil'stvo // Studia Culturae. 2018. Vyp. 3 (37). S. 43–58.)
- Суни 1979* — Суни Л. Очерк общественно-политического развития Финляндии. Л.: Наука, Лен. отд. 1979. (Suni L. Ocherk obshchestvenno-politicheskogo razvitiya Finlyandii. L.: Nauka, Len. otd. 1979.)

Sergey Troitskiy

Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University; Sociological Institute, Russian Academy of Sciences

WINTER AS A MARKER IN TOVE JANSSON'S WORKS

The author of the article addresses the characteristics of winter, which differ from other seasons in Tove Jansson's works. These characteristics enhance the conclusion that winter as a season has its special dimensions and meaning that go beyond the description of it as merely a season. The discussion is played out on several levels of describing winter as physical, psychological, metaphorical, chronotopical, and cultural phenomenon. Such analysis provides an opportunity to reinstate the emotional impact of winter that is not directly addressed in the author's text. The leading methodological device that is used in the analysis is "the marker" — the term taken from the study of linguistics that identifies not the immediate description of the subject but rather to its indirect qualities identified in the text. Various methodological tools are employed to outline the strategy in the analysis of the text: among them are critical analysis of the literary texts, reflections on literary criticism, etc. The main focus of the article is on the research dealing with philosophical applications to children's literature.

Keywords: children's literature, winter, moomintrolls, chronotop, Karelian-izm, marker, depression, Tove Jansson